

НАИВНА И ОЧЕНЬ ОПАСНА

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

16+

Надежда Соколова
Наивна и очень опасна

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соколова Н. И.

Наивна и очень опасна / Н. И. Соколова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Все люди, как люди, а я королева - вот мой девиз. Только в жизни мне не очень везет: родилась в обычной семье, с боссом-миллионером познакомиться не смогла, до двадцати трех лет ни разу замужем не была. Нужно исправлять ситуацию, да только подходящих кандидатур на горизонте нет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Надежда Соколова

Наивна и очень опасна

Глава 1

Наша жизнь – следствие наших мыслей; она рождается в нашем сердце, она творится нашей мыслью. Если человек говорит и действует с доброю мыслью – радость следует за ним как тень, никогда не покидающая.

«Дхаммапада»

Мне нравится, что вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не вами,

Что никогда тяжелый шар земной

Не уплывет под нашими ногами.

Мне нравится, что можно быть смешной —

Распущенной – и не играть словами,

И не краснеть удушливой волной,

Слегка соприкоснувшись рукавами.

Марина Цветаева. «Мне нравится, что вы больны не мной»

Красное пятиэтажное здание социально-экономического института подавляло своими огромными размерами и пугало необычайно извилистыми коридорами. Я работала в нем всего два месяца и уже дважды умудрилась заблудиться. Впрочем, для меня это было вполне нормально. Однажды я заблудилась в родной школе, в которой проучилась одиннадцать лет. Правда, шла я, засунув нос в телефон, параллельно набирая сообщение по ватсапу, но русичка моего объяснения не приняла и от щедрот душевных вlepила мне тогда «неуд» за поведение.

Сейчас я тоже заблудилась: вместо деканата, дошла до приемной ректора. Постояла пару-тройку секунд, недоуменно рассматривая коричневую железную дверь, собралась было поворачивать назад, топтать на другой этаж, когда меня окликнули.

– Кротова Елена Михайловна? – высокая крашеная блондинка, подошедшая к приемной, явно не вылезала из салонов красоты, тщательно ухаживая за своим лицом и телом. Смерив мою тушку с головы до ног презрительным взглядом и, похоже, не проникшись увиденным, она сообщила. – Вас хочет видеть Антон Викторович.

Ага, то есть пришла я все же правильно. Вот только в груди почему-то появилось нехорошее предчувствие. Дядя меня к себе по рабочим вопросам никогда не вызывал. А тут еще этот предстоящий разговор с деканом... Ладно, вздернула подбородок повыше, мол, крутая, зашла вслед за блондинкой в приемную.

– Антон Викторович, Кротова подошла, – открыв дверь в кабинет ректора, сообщила красотка. Причем по ее тону можно было сделать вывод, что это она сама, под конвоем, притащила меня сюда, а не я по ошибке появилась на этаже. – Впускать?

И уже мне, холодно и официально:

– Проходите.

Подумаешь, фифа. Второй день на рабочем месте, а туда же, строит из себя опытную секретаршу, незаменимого помощника шефа.

Я зашла, с радостью хлопнула дверь перед ее носом и направилась к столу дяди.

– Вызывали, Антон Викторович? – игриво спросила я, плюхаясь на стул напротив кресла ректора.

– Ох, Ленка, – тяжело вздохнул он, – и когда у тебя в голове мозги появятся? Или горбатого могила исправит?

Высокий стройный шатен сорока лет, кареглазый и симпатичный, он всегда нравился женщинам, был холост и в ближайшее время жениться не планировал. И я могла понять новенькую секретаршу, мгновенно увидевшую во мне соперницу, пытавшуюся из-под ее носа увести такого перспективного кавалера. Могла, но не хотела. Вот еще, будут всякие фифы мне указывать, что и как делать.

– Да что я сделала? – удивленно посмотрела я на дядю Тошу, как звала его с трех лет.

– Ты мне что обещала, когда сюда устраивалась? – нехорошо прищурился он. – Ты мне клялась, что забудешь все свои глупости, включишь, наконец, мозги и начнешь думать, прежде чем делать или говорить. Ты мне клялась, что никаких противозаконных действий предпринимать не будешь. Было такое?

Я недовольно передернула плечами.

– Что ты меня, как ребенка маленького, отчитываешь? В чем еще я провинилась?

Перед моим носом появилась стопка заявлений.

– Читай, – приказал дядя.

Ладно, я взяла верхнюю бумажку, нехотя опустила глаза в текст.

«Я, Кузнецова Ольга Степановна, студентка первого курса экономического факультета, очного отделения, заявляю, что Кротова Елена Михайловна вымогала у меня взятку в размере двух тысяч рублей за положительный результат по экзамену русского языка...»

– Было или нет? – внимательно глядя на меня, спросил дядя.

Я раздраженно фыркнула.

– Ну, было. И что? От их богатеньких родичей не убудет. Смогли пропихнуть детку на платное? Значит, деньги есть. А мою ситуацию ты знаешь.

– Твоя ситуация называется глупость и жадность, – резко ответил дядя. – Тут двадцать заявлений. Вся группа написала.

Передо мной на стол легла еще одна бумажка.

– Пиши заявление по собственному желанию. Иначе по статье пойдешь. С коррупцией в нашей стране теперь борются, – язвительно проинформировал меня дядя.

Я изумленно посмотрела на него:

– Какое заявление? Я тут два месяца работаю!

– Хочешь в тюрьму сесть? – вкрадчиво поинтересовался он. – Так я это устрою. Маринка, правда, вряд ли мне спасибо скажет. Но, может, в камере тебя уму-разуму научат.

Какое там спасибо! Прибьет его мама, и правильно сделает! Это ж додуматься надо – родной племяннице тюрьмой угрожать! А как же родственные чувства?

– Что? – иронично приподнял бровь дядя, услышав последний вопрос. – Какие родственные чувства? У тебя, Ленка, ума не хватило на работе удержаться, ты при всей группе расценки озвучила, а теперь намекаешь мне о родственных чувствах?

Я прикусила губу. На глазах выступили слезы от обиды и несправедливого обвинения.

– Ты на их шмотки посмотри. А косметика. Думаешь, все это копейки стоит? А я должна в общаге с девчонками ютиться и копейки считать, – всхлинула я.

– На меня твои слезы перестали действовать много лет назад. Деньги не твои, вымогать их ты не имела права. Так что или сейчас по собственному желанию пиши, или я соответствующим образом отреагирую на заявления группы.

Закусив губу, чтобы не разрыдаться от обиды, я под диктовку дяди написала это чертово заявление. Блин, нашли причину! Из-за каких-то пары-тройки тысяч за экзамен! Там, на эконфаке, все тупые, как пробки! Ни одного правила за всю жизнь не выучили! А я, умница и красавица, должна на них за копейки свое время тратить! Ну вот где справедливость, спрашивается?!

В бухгалтерии меня послали. Вежливо, но все же. Мол, ты же по собственному желанию писала. Мы тебе копейки за не использованный отпуск начислим, конечно, и на карту переведем, но на эту сумму ты, девочка, сможешь разве что до дома добраться да в дороге с голоду не помереть. Зарплату, выданную три-четыре дня назад, я уже распланировала и частично потратила, так что нужно было что-то решать с новой работой. Вот только куда можно устроиться?!

Мне с самого начала не везло в самостоятельной жизни. Закончив вуз в двадцать два, я соблазнулась на уговоры родителей и пошла в свою родную школу, учить балбесов русскому языку. Платили, конечно, сущие гроши, но ведь и квартиру снимать не нужно: дома жить можно, все экономия, пока нормального места не найду. Вот только в школе меня приняли настороженно. И проработала я там от силы две недели. И ведь, блин-оладик, нашли тупую причину: видите ли, я на открытом уроке, при комиссии из Москвы, сказала: «Ложите свои тетради». И что? Ну оговорилась, с кем не бывает. Так мне припомнили все мои огрехи, в том числе и ранние, когда я еще там училась. И ведь, заразы такие, с умным видом сообщили, что, видите ли, все грамотные люди давно язык выучили, одна я отучилась на филфаке и без результата, только диплом получила. В общем, в школе я и копейки не получила. Плюнула, собралась и уехала куда подальше из того богом забытого городка.

Дядя Тоша помог устроиться администратором в салоне красоты в городе-миллионнике, в котором сам работал, заселиться в общагу, мол, тебе, Ленка, надо учиться познавать трудности жизни. Познала, да. Сам, конечно, в собственной трехкомнатной квартире живет, один причем, только баб к себе, небось, иногда водит. А я должна в комнатке без удобств с соседкой ютиться!

Администратором я проработала довольно долго, целых пять месяцев. А потом к нам как-то зашел просто офигительный мужчина: высокий, стройный, широкоплечий, красивый! Ах, какие у него были шикарные брови! Густые такие! А глаза? Черные, как ночь! И голос! Голос такой бархатный! Да и пахло от него дорогим парфюмом, наверное, стоимостью в половину моей зарплаты! А рядом с ним стояла суцая пигалица! Ни рожи, ни кожи! И он ее так нежно и ласково за плечики приобнимал. В общем, не вынесла душа поэта. Они к нам зачестили, этой дурынде нужны были различные косметологические процедуры, а он ее сопровождал и ожидал возле ресепшена. Ну и... Я стала ему глазки строить. Один раз даже намекнула, что свободна. Он намека не понял, дурак. А когда я откровенно сообщила, что всяко красивей его курицы, еще и начальству пожаловался. Пришлось искать себе другое место.

И пошла я снова к дяде. Тот выслушал меня, пальцем у виска покрутил, но к себе взял. Как оказалось, ненадолго.

До экзаменов оставался месяц, на носу – майские праздники, сегодня – последний рабочий день. Вроде настроение должно быть боевым: тепло, солнышко светит, отдыхать четыре дня. «Это остальным – четыре, а тебе все десять-двенадцать, пока народ после праздников не проспится», – ехидно напомнила я сама себе. Ну вот нет в жизни счастья! Я же им, дуракам таким, студентам своим бывшим, специально месяц дала, чтобы они могли привыкнуть к мысли, что за халяву, то есть за завышенные оценки на экзамене, платить нужно. А они? Взяли и сдали меня декану!

Закончив себя жалеть, я хлопнула носом последний раз и вылезла на свет божий из темного закутка коридора на одном из этажей. Сейчас пары, туалет рядом, а значит, есть шанс, что меня не заметят. Умыться было необходимо. Да, придется смыть и так чуть потекший макияж, но уж лучше добраться до дома без «боевого раскраса», чем показаться на улице с опухшим от слез лицом.

Зеркало над умывальником в туалете прилежно отразило миленькую девушку, почти красавицу: голубоглазая брюнетка, губки бантиком, носик аккуратный, чуть вздернут, но это чепуха, ресницы длинные, густые, волосы, когда не забраны в хвост, ниже плеч, в общем, красавица. Вздохнув, я включила холодную воду. Бр-р-р-р! Терпеть не могу подобные процедуры! Я девушка нежная, легко ранимая! Помню, однажды, на первом курсе, на вечеринке в общежитии, перебрала пива, стала с подругами песни горланить. Так наша комендант позвала старшекурсников, и они, сволочи, нас, с гоготом, холодной водой в туалете умывали. Стыдно было, жуть! А у меня еще и кожа нежная! Сухая! Мне нельзя столько воды!

Отвлечшись от мыслей, я прекратила умывание, вытерла лицо носовым платком, подошла к окну. Надо подождать, пока вся краснота сойдет, тогда и домой можно. Домой... Я снимала комнату в старой общежитии. Ремонта то здание, наверное, никогда не знало: обшарпаные стены, потолки с трещинами, того и гляди обвалятся. Вместо светильников – лампочки. Вода только холодная, вечно греть надо, и то льется небольшим напором. Кровати древние, на ржавых, постоянно скрипевших пружинах, с отвратными матрасами, двери в комнаты можно выбить с полпинка. Зато дешево. Для меня, конечно. И все равно третью часть зарплаты я отдавала за съем. Верней, уже отдала. Так что до конца месяца могу не рыпаться. Продуктов, правда, подкупить надо, тех же бич-пакетов хотя бы, лапшу, маргарин, картошку. Глядишь, и занимать ни у кого не придется. Да и как занимать, если фиг его знает, с каких отдавать?

«Ленка, смотри, намылишься в город – кормить тебя не будем», – пригрозил папа, когда меня со скандалом вытурили из школы. Я тогда только плечами гордо пожала. Подумаешь, сама прокормлюсь. Вот встречу мужика побогаче. Угу, уже, аж три раза. Пока самым богатым мужиком на моем пути оказался дядя Тоша. Невезучая я...

Глава 2

Жизнь – это риск. Только попадая в рискованные ситуации, мы продолжаем расти. И одна из самых рискованных ситуаций, на которые мы можем отважиться, – это риск полюбить, риск оказаться уязвимым, риск позволить себе открыться перед другим человеком, не боясь ни боли, ни обид.

Арианна Хаффингтон

Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!

Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.

Тебе ль остановить кружащееся сердце?

Марина Цветаева. «Дружить со мной нельзя»

Погода на улице радовала теплом, ярким солнцем и полным отсутствием ветра. От последней напасти в городе очень страдали. Я, самая настоящая мерзлячка, даже в солнечные дни, когда термометр показывал выше двадцати, могла кутаться в плащ просто из-за разыгравшегося ветра. Но теперь, на майские, можно было с полным правом красоваться в летних платьях. Что я и делала: каблучки задорно цокали по асфальту, я шла, задрав нос и надеясь, что в своем ситцевом платье до середины бедра привлеку внимание кого-нибудь из солидных состоятельных мужчин. В конце концов! Я молодая, привлекательная женщина, нежная, заботливая и ласковая! Почему я должна пахать как вол на этих дурацких работах?! Где это видано, чтобы такие как я трудились от зари и до зари, а не служили украшением интерьера!

«Ты, Ленка, столько слов умных знаешь, научилась бы еще применять их правильно, может, тогда кто и замуж взял бы», – нестати вспомнила я насмешливое заявление своего бывшего одноклассника Кольки Савенкова, и щеки предательски заалели. Ну подумаешь, перепутала значения двух иностранных слов! Этот Колька вообще в своей жизни ни одной книжки, кроме букваря, не прочел, а туда же! У меня, между прочим, мама – учительница! Она нас всех четверых с детства читать приучила! А этот... Жердь!

– Аккуратней! – недовольный возглас какой-то расфуфыренной фифы вывел меня из задумчивости.

Ой, подумаешь, толкнула случайно! Я уже хотела высказать ей все, что о ней думаю, но сбоку засигналила машина, эта фифа оскалилась в свои искусственные тридцать два и на шпильке ракетой рванула на звук. Я повернулась тоже. «Рено логан». Красивый. Серебристый. Новый. А рядом... Челюсть медленно поползла вниз. Колька! В костюмчике! Да он в жизни костюмов не носил! А тут вырядился!

Колька мазнул по мне равнодушным взглядом, видно, не узнал, нежненько так приобнял ту фифу, чмокнул ее в щеку, открыл услужливо переднюю дверь. Машина рванула подальше отсюда. А я так и осталась стоять на тротуаре с вытаращенными от изумления глазами. Колька. Савенков. На «рено»! Нет, чушь, это явно не его авто. Сто пудов взял у кого-то, чтобы пофорсить! Да, блин, откуда у него такие бабки?!

Савенковы всегда жили более чем скромно. Детей столько же, сколько и у нас, работу, особенно нормальную, в нашей «деревне» хрен с два найдешь. Наши с Колькой отцы то и дело в ближайшем крупном городе шабашили. Ну и что? Мой папка за старую, подержанную «ладу калину» кредит выплачивает, еще пару лет точно платить будет. А тут вдруг новый «рено»!

До общаги я дошла в полной задумчивости, не замечая вокергу никого и ничего.

Деревянная дверь, скрипевшая при малейшем шорохе, впустила меня в чернильно темный холл. Я привычно достала мобильник, включила фонарик и стала подниматься по обшарпанным ступенькам. Лифт, как обычно, не работал. На моей памяти он, кажется, ни разу не включался. Я дошла до пятого этажа, чувствуя, что задыхаюсь. Одышка. А ведь я так мечтала с денег, что принесут на экзамен эти балбесы, оплатить тренажерку! Да, у меня практически идеальная фигура, но подкачаться не помешало бы! Да и чем черт не шутит, может, какого-нибудь богатенького мачо встретила бы. В книжках они вечно в тренажерках зависают, пузо свое убирают да на баб вокруг посматривают. А чем я хуже героинь каких-нибудь женских романов? Мама со старшей сестрой вечно эти книжки в библиотеке стопкой набирали, дома до дыр зачитывали, потом косились в сторону своих мужей и тяжело вздыхали.

Хотя что Дашке вздыхать-то? У нее, в отличие от нашего отца, муж, Славка, с «вышкой» попался. Удачно подцепила, когда в городе училась, на одной из вечеринок постоянно к нему прижималась, сиськами своими терлась, ну вот он и клюнул. Программером работает, все больше многих в нашем «селе» получает. Они с Дашкой свой дом, двухэтажный, строят, скоро туда переедут, а пока здесь, в этом городе, квартирку снимают без удобств, клоповник настоящий, да к родителям нашим частенько в гости навещаются: поесть на дармовщинку. И машина у Славки лучше, «хендай соларис», все не наша «лада калина». Но нет, вздыхает Дашка. И ей миллионера подавай. И ведь если появится на горизонте кто-то более состоятельный, сбежит к нему, о родной сестре, пока еще незамужней, не подумает. Поскорей бы, что ли, Славка ей ребенка заделал. Кто ее, дуру такую, потом с «прицепом» возьмет?

Катька, соседка по комнате, снова на кровати валялась, с книжкой в руках.

– Что ты там читаешь? – хмыкнула я, садясь на кровать и стягивая с ног обувь. – Пособие по охмурению олигарха?

– Что б ты понимал, – беззлобно фыркнула она, – это «Школа настоящей стервы». Мужики стерв любят.

– То-то от тебя твой последний кавалер сбежал, роняя тапки, – поддела я приятельницу.

– Ленька, что ли? Так он мямля. Да и нищий. Живет с родаками, как лох последний. Нет, мне побогаче кто нужен.

Вот. И этой побогаче нужен. Сплошная конкуренция! Вот как жить, а? Не жизнь, а сплошной стресс.

Небрежно кинув сумку на стул, я переоделась, натянула джинсы и топ, выгодно подчеркивавший мою грудь, обула старые кеды, тяжело вздохнула, оценила налик в кошельке и потопала в ближайший супермаркет. Надо было подкупить что-нибудь пожевать на вечер и завтра на утро.

Шмотки из вуза я решила забрать в ближайшие рабочие дни. Там тех шмоток: паратройка учебников, кое-какие ксерокопии. В общем, кот наплакал. Но дарить заклятым врагням с кафедры свое добро я не собиралась. Пока шла, обдумала свои возможности и решила, пока буду постоянное место искать, в репетиторы податься. А раз так, надо было запастись различной литературой. Не по учебникам учеников же заниматься. Несolidно это. Клиенты не поймут: пришла на работу с пустой сумкой, за что тебе, училка, деньги платить? В общем, из вуза я собиралась завтра выжать максимум. Так сказать, отступные за мое драгоценное время, впустую потраченное на всех этих идиотов.

В супермаркете «Маркет», рассчитанном на людей с низким доходом, как обычно у самых бросовых товаров толпились пенсионеры, безработные и молодежь. Затарившись на пару дней вперед бич-пакетами, картошкой, дешевым печеньем и хлебом, я с тоской покосилась на спиртное: водку я не понимала и не принимала, а вот коньячок и вино уважала. Была бы я чуть побогаче... Эх... Хочется, как же хочется забыться... А нельзя. Мало того, что, как выпью, я становлюсь буйной и неконтролируемой, так еще и деньги выкину непонятно куда. А у меня сейчас каждая копейка на счету. В общем, привет, режим жесткой экономии.

На улице, на одной из старых некрашенных лавочек, взасос целовалась парочка: девчонка, судя по возрасту, студентка-первокурсница, прямо вешалась на своего кавалера. Я оценивающим взглядом окинула их обоих. Ну вот что она в нем нашла? Потрепанные кеды, старая рубашка. Видно же, что до Рокфеллера ему далеко. Нафиг на таких кидаться? Они своих пассий раз в месяц если в кафешку сводят, чаем напоят, и то разорятся. Нет, если гулять, то с кем-то побогаче. А так... Смысл?

Я вспомнила Савенкова Кольку с его «рено», и в груди заворочалось раздражение. Вот как он смог заработать на такое авто? Да пусть даже в кредит взял. Этот кредит еще выплачивать надо. Или та фифа, что ему призывно скалилась, помогает? А что? Я слышала много историй, как умненькие перспективные мальчики выбирали девочек состоятельных родителей. А Колька дураком никогда не был. Мог и подбить клинья к одной такой.

Я чуть ли зубами не скрипнула, подумав об этом. Нет, ну почему я такая невезучая, а? Другие вон пары себе находят, денежные причем, а я последние кеды донашиваю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.